

А.В. Макаров, Ю.Ю. Пономарев

Кризис доверия: проблемы измерения, общественные ценности и иные детерминанты¹

УДК 330.341, 32.019.5

Аннотация. Согласно актуальным результатам Барометра доверия Edelman, во многих странах мира, включая Россию, складывается определенный кризис доверия, что становится серьезным препятствием для их социально-экономического развития. В статье рассматриваются вопросы неоднозначной динамики уровня доверия, анализируются тенденции и возможные взаимосвязи этого уровня с различными характеристиками развития стран, а также сложившимися ценностями (по методологиям Хофстеде, Инглхарта). На основе сравнения результатов Барометра доверия и российских социологических исследований показаны ключевые проблемы в сфере учета роли доверия, в том числе проблема разграничения «оправданного» и «наивного» доверия. В России проблема низкого доверия отчасти связана с динамикой развития ценностей модернизации, что требует дополнительных усилий по развитию гражданского общества.

Ключевые слова: доверие; социальный капитал; ценности; модернизация; качество государственного управления

Введение

Успешное социально-экономическое развитие государства в экономических исследованиях все чаще связывают не с классическими факторами производства (труд, капитал), но с нематериальными, институциональными факторами, которые довольно сложно измерить, хотя именно они в конце концов определяют эффективность взаимодействия граждан, бизнеса и государства. Среди таких факторов выделяется доверие [Фукуяма, 2004; Algan, Cahuc, 2010; Humphrey, Schmitz, 1996].

Доверие можно охарактеризовать как ситуацию, когда в условиях нехватки информации и неопределенности люди подвергают себя риску отрицательного поведения со стороны других участников, потому что есть основания полагать,

¹ Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС. The article was written on the basis of the RANEPА state assignment research programme.

что последние не воспользуются предоставленной им возможностью [Локке, 2005].

При низком уровне доверия могут возрастать транзакционные издержки, ущерб от оппортунистического поведения. Напротив, в ситуации высокого уровня доверия формируется социальный капитал, который предопределяет эффективность коллективных действий людей, компаний и институтов [Фукуяма, 2004; Татарко, Лебедева, 2009].

ОЭСР определяет социальный капитал как сети с общими нормами, ценностями и взаимопониманием, которые способствуют сотрудничеству внутри групп и между ними [OECD, 2001]. Особенно высока роль доверия в переходных экономиках, когда новые правовые механизмы еще не укоренены [Humphrey, Schmitz, 1996].

По некоторым оценкам [Hamilton et al., 2016], в странах с низким уровнем доверия (например, Ливан, Иордания, Турция) его вклад в общее суммарное благосостояние мог быть около 5% (2010 г.)², тогда как в странах с высоким уровнем доверия (Швеция, Дания) мог превышать 50%; для стран ОЭСР в среднем он оценивался в 28%. Согласно оценкам Algan, Cahuc (2010 г.), в России прирост ВВП на душу населения при максимальном уровне доверия (за таковой был принят уровень Швеции) мог бы достичь 69%³.

Доверие во многом определяется довольно стабильными факторами – воспитание в семье, сложившиеся моральные нормы [Humphrey, Schmitz, 1996], считается, что ценности человека с трудом меняются после возраста социализации (18–25 лет). Но мировой опыт показывает, что относительно быстрое укрепление доверия в обществе возможно и при целенаправленных

² В статье в национальном богатстве выделены четыре фактора (производственный капитал, человеческий, социальный, природный), в большинстве стран наибольший вклад приходился на человеческий капитал, далее на социальный.

³ Статья предполагает, что оценить уровень доверия можно на основе данных о мигрантах, для которых характерен уровень доверия, свойственный их стране рождения, для которых зависит от унаследованного доверия прошлых поколений. В статье показано изменение дохода на душу населения в период 2000–2003 гг., которое страны могли бы ожидать, если бы уровень унаследованного доверия в стране был таким же, как доверие, унаследованное в Швеции.

усилиях государства⁴. В российской истории тоже были примеры успешных преобразований, основанных на идеях доверия и кооперации, например, земская реформа Александра II [Аузан, Никишина, 2021]. Экономический успех Германии, Японии во второй половине XX века также во многом объясняют усилиями по созданию атмосферы доверия. Другой интересный исторический пример – внедрение Кодекса Наполеона в завоеванных им странах Европы привело к росту уровня доверия, за счет появления гарантий равенства перед судом, защиты прав собственности.

Таким образом, возникает оптимистическая теория модернизации, которая дает надежду, что в мире будут успешно развиваться страны, основанные на принципах доверия, кооперации и гражданского общества [Инглхарт, Вельцель, 2011; Фукуяма, 2004].

Однако мировой Барометр доверия Edelman⁵ показывает, что в данной сфере складываются противоречивые тенденции, в частности, во многих развитых «демократических» странах отмечается определенный кризис доверия, что требует дополнительного анализа теории и практики формирования этого феномена. В статье комплексно рассматривается возможный кризис доверия, как с точки зрения подходов к его измерению, так и взаимосвязей доверия и иных характеристик общественного развития, в том числе сложившихся ценностей и институциональных характеристик.

Барометр доверия Edelman – основные результаты

Барометр доверия Edelman приобрел широкую известность в мире как источник информации об уровне доверия. Последний отображен на основе опросов граждан о доверии к различным институтам. Например, в 2021 г. были опрошены более 33 тыс. граждан в 28 странах. Единый индекс доверия построен как среднее значение доверия к четырем институтам – государству,

⁴ См. Доверие в пяти ракурсах. Материалы научного семинара «Реалистичное моделирование». Экономический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, 2019 [Эл. ресурс]. URL: <http://council.gov.ru/media/files/SA92Q3DMC6jIXDA2fs3nknurwMSYdH9E.pdf>

⁵ Edelman trust barometer [Эл. ресурс]. URL: <https://www.edelman.com/research/2019-edelman-trust-barometer>

бизнесу, СМИ и общественных организаций (НКО). Согласно этому исследованию, в период 2018–2021 гг. Россия заняла последнее место среди рассматриваемых стран по единому индексу доверия и его отдельным компонентам. В 2021 г. сводный показатель доверия для нашей страны составил 31 балл (при 56 в среднем по выборке).

Таблица 1. Уровень доверия в мире и в России в 2018–2021 гг., баллы

Показатель	2018		2019		2020		2021	
	в России	в мире	в России	в мире	в России	в мире	в России	в мире
Единый индекс доверия	36 (последнее место)	49 среднее 74 макс.	29 (последнее место)	52 среднее 79 макс.	30 (последнее место)	54 среднее 82 макс.	31 (последнее место)	56 среднее 77 макс.
Доверие к НКО	25 (последнее место)	54 среднее 71 макс.	23 (последнее место)	56 среднее 74 макс.	25 (последнее место)	58 среднее 80 макс.	25 (последнее место)	57 среднее 78 макс.
Доверие к бизнесу	41 (25 место)	53 среднее 78 макс.	34 (последнее место)	56 среднее 80 макс.	35 (последнее место)	58 среднее 82 макс.	34 (последнее место)	61 среднее 82 макс.
Доверие к государству	44 (13 место)	44 среднее 84 макс.	34 (20 место)	47 среднее 86 макс.	33 (25 место)	49 среднее 90 макс.	34 (24 место)	53 среднее 82 макс.
Доверие к СМИ	35 (20 место)	44 среднее 71 макс.	26 (последнее место)	47 среднее 76 макс.	28 (последнее место)	49 среднее 80 макс.	29 (последнее место)	51 среднее 72 макс.

Источник. Составлено на основе Edelman trust barometer.

Особое внимание вызывает фиксируемый разрыв уровня доверия у информированной публики (среднего класса)⁶ и «обычных» респондентов. В мире традиционно доверие формируется в первую очередь в информированной среде – так, в 2021 г. единый индекс доверия составил в этой категории 68% против 52% в остальной части выборки. Россия тут не стала исключением, хотя и заняла последние места по обеим группам респондентов – 41% и 28% соответственно. Но если в 2019 г. во всем мире 49% граждан (63% среди высокоинформированных) ожидали улучшения жизни своей семьи в течение ближайших пяти лет, то Россия тогда

⁶ К таким гражданам относили тех, кто отвечает критериям с точки зрения образования, доходов, включенности в потребление продукции СМИ и т.д. – около 17% населения (2021 г.).

оказалась единственной страной, в которой более обеспеченные и образованные люди оказались пессимистичнее настроены, чем обычные респонденты (39% и 38% соответственно).

Но стоит отметить также другую принципиальную тенденцию. Теоретически можно было бы ожидать, что наибольший уровень доверия (и в целом, и к рациональному (в духе М. Вебера) государству, свободным СМИ, социально ответственному бизнесу и т.д.) должны демонстрировать страны, которые считаются наиболее модернизированными и демократическими. Однако согласно данным барометра многие из них как раз оказались аутсайдерами с точки зрения уровня доверия (Япония, Великобритания, США, Франция). Из западных стран самый высокий показатель доверия демонстрировали Нидерланды (единый индекс 63%). И наоборот, лидерами рейтинга все чаще становились восточные и авторитарные страны, которые в целом считаются далекими от «идеалов модернизации» (Китай – 72%, Саудовская Аравия, Сингапур, ОАЭ).

Этот парадокс требует дальнейшего исследования, в том числе на уровне практики отдельных стран. Сами же составители Барометра отмечают наметившийся кризис демократического развития стран первого мира, приводящий к разочарованию и падению уровня доверия в обществе, объясняя его целым комплексом причин (эффекты пандемии COVID-19 и ковидных ограничений, ангажированность многих СМИ, увеличение экономического неравенства, сопровождаемое ростом отчуждения малообеспеченных граждан).

Действительно, многие тенденции, которые складываются в демократических западных странах (чрезмерное бюрократическое регулирование, деградация свободы слова, нередко – вмешательство в личную жизнь граждан, усилившееся в период пандемийных ограничений, и пр.), свидетельствуют о фактическом отступлении от демократических принципов. Разрыв между «словом» и «делом» приводит к кризису доверия.

Альтернативное объяснение состоит в том, что в демократическом государстве в принципе не следует ожидать столь же высокого уровня доверия, как в авторитарных странах, где формируются чрезмерные наивные упования в условиях коллективистских традиций. Сторонники этой точки зрения говорят о необходимости разграничивать феномены «подлинного»

доверия (которое обусловлено эффективностью демократической кооперации) и доверия «наивного» (поддерживаемого авторитарным давлением).

В 2023 г. составители Барометра не включили в него данные по России. При этом тенденции, обозначившиеся в мире прошлые годы, сохранились. В частности, отмечается растущая поляризация (отсутствие согласия по ключевым вопросам) во многих развитых странах (особенно ярко – в США⁷, Испании), притом, что респонденты из восточных стран, напротив, отмечают сплоченность. Среди причин поляризации выделяется отсутствие общей идентичности, недоверие к правительству и СМИ, ощущение социальной несправедливости.

Поляризация приводит к проблемам коммуникации. Так, только 30% респондентов международного опроса выразили готовность помогать человеку с другим мировоззрением, 20% – готовность работать или жить вместе. И вновь в Барометре 2023 г. более высокий уровень доверия к государству продемонстрировали восточные страны (Китай – 89%, ОАЭ – 86%, Саудовская Аравия – 83%), из западных стран лучшие результаты у Швеции (57%)⁸, Канады и Нидерландов (51%). Швеция стала также единственной западной страной, наравне с Сингапуром, Саудовской Аравией, ОАЭ, Китаем, где доверие к государству превысило доверие к бизнесу, хотя в целом по миру разрыв составил 12% в обратную сторону. То есть бизнес в некотором смысле становится все более уважаемым институтом и «оттягивает» на себя доверие общества от государства, особенно это стало характерно для Латинской Америки (Аргентина и Колумбия – разрыв в примерно в 30%).

Проблемы измерения уровня доверия и социологических опросов

При анализе уровня доверия в странах следует с осторожностью интерпретировать доступные данные. Речь идет

⁷ США стали ярким примером поляризации – если демократы доверяли государству с уровнем в 61%, то только 26% республиканцев заявили о доверии. Таким образом, трампиский раскол в США, видимо, действительно оказался фундаментальным для динамики уровня доверия.

⁸ Хотя и в Швеции был получен низкий результат с точки зрения доверия к СМИ (41%).

не только о классических проблемах искажения статистики (в том числе получаемой опросным методом), но и о том, что само по себе доверие к тому или иному институту (государству, СМИ, бизнесу) необязательно означает эффективность взаимодействия.

В рамках оценки государственной политики доверие может быть изначально завышенным и потом «обманутым» (например, высокая поддержка в период правления отмечается для многих автократов). И наоборот, позитивные реформы не всегда сразу получают должное общественное признание (вспомним трагическую судьбу того же Александра II Освободителя, которого ждало шесть покушений).

Отдельная проблема связана с выбором методики измерения уровня доверия в обществе. Можно выделить разные подходы.

1. *Прямые опросы о доверии.* Здесь очень важны точность формулировок и качество их восприятия. На межличностном уровне вопрос может звучать так: «Как Вы считаете, большинству людей можно доверять или в отношениях с людьми следует быть осторожными?». Или: «Как Вы считаете, в какой мере люди имеют хорошие намерения (от 1 до 10)?» [Falk et al., 2018]. Но при оценке социального капитала требуется более глубокий анализ феномена доверия; в частности, важны уровень доверия (допускаемые степень взаимодействия, откровенности) и его радиус (доверие к людям других социальных групп, национальностей и т.д.).

Кроме того, в опросах зачастую подразумевается отношение к «незнакомцу» (не ближайшему окружению), но понимание респондентами вопроса может быть различным, например, в Китае респонденты могут иметь в виду социально близкое «большинство людей», а не любых незнакомцев [Delhey, Newton, 2005]. Когда в обществе много различных социальных групп, это может приводить к росту сотрудничества между ними, но в ответ на рост диверсификации может расти и стремление отделиться, закрыться в рамках своей социальной группы. Возникает феномен селективного доверия [Humphrey, Schmitz, 1996]. По оценкам World Values Survey, в мире ухудшается ситуация с межличностным доверием – доля населения

мира, считающего, что «большинству людей можно доверять», сократилась на 20% за 15 лет⁹.

Аналогичные проблемы возникают при опросах о доверии к разным институтам, органам власти и пр. Так же путем опросов часто оценивается склонность руководствоваться социальными нормами [Putnam, 1995], например, респондентов могут спрашивать, в какой мере они считают оправданными различные действия, которые нарушают эти нормы (присвоение найденных денежных средств, неуплата налогов и пр.).

2. *Оценка социальных связей.* Доверие может быть измерено не через отношение респондентов, но через их поведение, тогда анализируются включение граждан в социальное взаимодействие (набор горизонтальных контактов, участие в собраниях, клубах, ассоциациях, в том числе оцениваются тиражи СМИ). Такие оценки также могут вызывать смещение, например, потому, что простое членство в той или иной ассоциации или группе еще не говорит о степени силы социальных связей и о доверии за их пределами (вне узкой группы).

3. *Эксперимент.* Иногда исследователи экспериментально оценивают, в какой мере соблюдаются социальные нормы – например, с какой вероятностью случайные прохожие возвращают специально потерянный кошелек. Однако эксперименты все же очень ограничены в форматах и скорее могут измерять именно межличностное доверие, но не доверие к институтам.

В России и в ряде иных стран в последние годы проблема надежности социологических опросов (которые являются ключевым методом оценки доверия) обострилась.

Во-первых, весьма распространена проблема недобросовестности интервьюеров, которые часто поставлены в очень жесткие сроки с учетом необходимости опроса разных социальных групп, что может приводить к фальсификации документов [Рогозин, 2015].

Во-вторых, повсеместно отмечается тенденция падения доли людей, готовых принимать участие в опросах. Все чаще удается опросить не более 5–7% респондентов¹⁰. В проведенном

⁹ The link between trust and economic prosperity [Эл. ресурс]. URL: <https://www2.deloitte.com/us/en/insights/economy/connecting-trust-and-economic-growth.html>

¹⁰ Общественное мнение, или Власть цифр [Эл. ресурс]. URL: https://polit.ru/article/2020/03/09/ps_judin/

Левада-Центром эксперименте¹¹ уровень достижимости респондентов достиг 30%, при этом для молодежи только 22–24%. Практика показывает, что активнее прочих принимают участие в опросах люди, имеющие больше свободного времени (а значит – особые характеристики), например, пенсионеры, безработные и пр., что искажает результаты.

В-третьих, все большую роль может играть стремление респондентов дать социально одобряемый ответ. Работает так называемая спираль молчания (ее концепцию в 1960-е гг. предложила немецкий социолог Элизабет Ноэль-Нойман)¹². Ее суть заключается в том, что люди (особенно в авторитарном обществе) не хотят выражать то мнение, которое они считают маргинальным, поскольку не желают противоречить большинству. В результате в рамках социологических опросов все чаще граждане демонстрируют единое мнение, а голос меньшинства почти не слышен, хотя такое меньшинство может на самом деле занимать существенную долю в обществе.

Некоторые социологи (в частности, Л. Гудков, научный руководитель Левада-центра¹³, Б. Кагарлицкий¹⁴ и др.) характеризовали российское общество как крайне деполитизированное, атомизированное, не включенное в дискуссии по политическим и социальным проблемам. В случае, когда подавляющее большинство респондентов практически не идентифицирует себя с общественными проблемами и процессами, опросы становятся слабым инструментом описания общественного мнения, которое фактически не формируется должным образом.

Взаимосвязь уровня доверия с другими показателями развития и ценностями

При обсуждении проблемы доверия возникает вопрос о некоторых консенсусных теоретических представлениях. Так,

¹¹ Готовность участвовать в опросах: результаты эксперимента [Эл. ресурс]. URL: <https://www.levada.ru/2022/06/14/gotovnost-uchastvovat-v-oprosah-rezultaty-eksperimenta/> (признанный иностранным агентом)

¹² Спираль молчания: почему мы говорим не то, что думаем [Эл. ресурс]. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/social/63da2cdb9a7947dc6ecc9c08>

¹³ Признан иностранным агентом.

¹⁴ Признан иностранным агентом.

обычно подчеркивается, что социальное неравенство негативно влияет на межличностное доверие (например, в рамках Барометра в США уровень доверия для бедных был ниже на 23%, чем для обеспеченных граждан), а образование, напротив, может оказывать позитивное влияние, поскольку укрепляет социальные связи и культуру кооперации [Falk et al., 2018].

Ряд общих закономерностей такого рода, выявленных при помощи корреляционного анализа, показан в таблице 2, хотя мы не претендуем на полное объяснение зависимостей.

Таблица 2. Межстрановая корреляция уровня доверия и отдельных социально-экономических показателей

Показатель	Уровень неравенства (индекс Джини)	Охват высшим образованием ¹
Уровень доверия в 2021 г. для:		
сводный индекс доверия	-0,11	-0,53
бизнес	0,17	-0,71
НКО	0,21	-0,62
государство	-0,51	-0,19
медиа	-0,09	-0,51

Источник табл. 2, 3, 4. Составлено авторами на основе данных Edelman trust barometer и Всемирного банка. Данные Всемирного банка. Индекс Джини [Эл. ресурс]. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/SI.POV.GINI>. Последние доступные данные; Данные Share of the population with tertiary education, 2020 [Эл. ресурс]. URL: <https://ourworldindata.org/grapher/share-of-the-population-with-completed-tertiary-education>; В 2021 г. в выборку анализа доверия вошли 27 стран – Австралия, Аргентина, Бразилия, Великобритания, Германия, Индия, Индонезия, Ирландия, Испания, Италия, Канада Кения, Китай, Колумбия, Малайзия, Мексика, Нидерланды, ОАЭ, Россия, Саудовская Аравия, Сингапур, США, Таиланд, Франция, ЮАР, Южная Корея, Япония.

Примечание. В этой таблице и далее полужирным шрифтом выделена корреляция выше 0,4.

Можно видеть, что достаточно высокая корреляция (-0,51) отмечена между индексом Джини и доверием к государству: для стран с высоким неравенством характерен низкий уровень доверия к власти, что в целом подтверждает теоретические представления. Однако доступ к высшему образованию тоже «подрывает» уровень доверия, и этот вывод не согласуется

с теоретическими представлениями. Здесь как раз причина может быть связана с тем, что высокий уровень образования характерен для западных демократических стран, а именно в них в последние годы наблюдается кризис доверия.

Конечно, проблему доверия необходимо рассматривать в более широком социальном контексте. В частности, значительный интерес представляет связь уровня доверия (в том числе отдельных его компонент) с уровнем благосостояния и качеством государственного управления, с одной стороны, и со сложившимися в обществе ценностями, установками – с другой, поскольку они тоже во многом определяют социальный капитал и перспективы развития.

В таблицах 3 и 4 представлена корреляция уровня доверия (для единого индекса доверия, а также показателя доверия к отдельным институтам), согласно данным Edelman (27 стран в 2021 г., 23 страны в 2011 г.) с показателями:

– ВВП на душу населения по ППС (данные Всемирного банка)¹⁵;

– качеством государственного регулирования (данные Worldwide Governance Index (WGI) Всемирного банка).

Всего использовались 4 индикатора (измеряются от –2,5 до +2,5, чем выше индикатор, тем выше качество государственного управления):

1) право голоса и подотчетность (Voice and Accountability, VAA) – учитываются механизмы обратной связи, демократия и свобода слова;

2) политическая стабильность и отсутствие насилия (Political Stability and Absence of Violence, PS), в том числе с точки зрения преступности, политического насилия;

3) эффективность государственного управления (Government Effectiveness, GE), включая компетентность государственных служащих и их независимость, качество государственных услуг;

4) верховенство закона (Rule of Law, RoL), в том числе независимость суда и органов правопорядка, защита прав собственности, исполнение контрактов.

¹⁵ URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.PCAP.PP.CD>

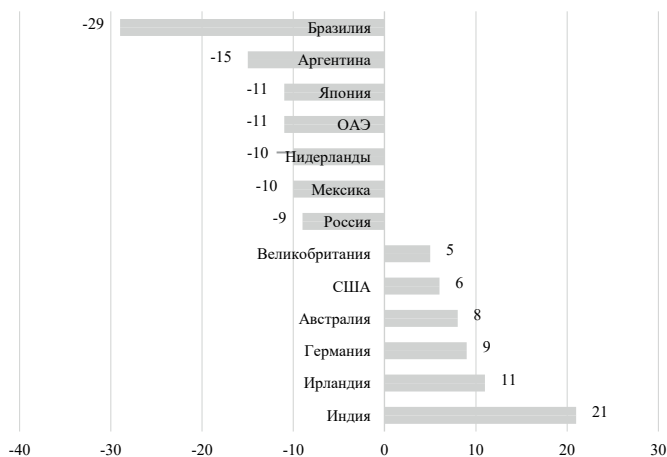
Таблица 3. Межстрановая корреляция уровня доверия и отдельных экономических показателей, индекса качества государственного управления

Показатель	Доверие 2021	Доверие 2011	ВВП/н 2021	ВВП/н 2011	VAA 2021	PS 2021	GE2021	ROL 2021	VAA 2011	PS2011	GE2011	ROL 2011
Доверие 2021	1,00	0,63	-0,04	0,01	-0,41	-0,11	0,11	-0,04	-0,41	-0,17	-0,08	-0,18
Доверие 2011	0,63	1,00	-0,25	-0,10	-0,48	-0,25	-0,21	-0,34	-0,49	-0,19	-0,30	-0,44
ВВП/н 2021	-0,04	-0,25	1,00	0,92	0,30	0,80	0,81	0,77	0,29	0,76	0,77	0,76
ВВП/н 2011	0,01	-0,10	0,92	1,00	0,19	0,76	0,78	0,74	0,18	0,75	0,73	0,71
VAA 2021	-0,41	-0,48	0,30	0,19	1,00	0,59	0,41	0,62	0,98	0,61	0,64	0,72
PS2021	-0,11	-0,25	0,80	0,76	0,59	1,00	0,86	0,88	0,59	0,92	0,90	0,88
GE2021	0,11	-0,21	0,81	0,78	0,41	0,86	1,00	0,94	0,39	0,75	0,92	0,87
RoL 2021	-0,04	-0,34	0,77	0,74	0,62	0,88	0,94	1,00	0,61	0,84	0,95	0,96
VAA 2011	-0,41	-0,49	0,29	0,18	0,98	0,59	0,39	0,61	1,00	0,61	0,65	0,72
PS2011	-0,17	-0,19	0,76	0,75	0,61	0,92	0,75	0,84	0,61	1,00	0,85	0,85
GE2011	-0,08	-0,30	0,77	0,73	0,64	0,90	0,92	0,95	0,65	0,85	1,00	0,95
RoL 2011	-0,18	-0,44	0,76	0,71	0,72	0,88	0,87	0,96	0,72	0,85	0,95	1,00

Таблица 4. Корреляция уровня доверия в отдельных сферах и характеристик развития

Показатель	ВВП/н 2021	VAA 2021	PS2021	GE2021	RoL 2021
Уровень доверия в 2021 г. для:					
бизнес	-0,27	-0,37	-0,34	-0,17	-0,26
НКО	-0,20	-0,31	-0,27	-0,11	-0,19
государство	0,28	-0,36	0,21	0,44	0,24
медиа	-0,11	-0,39	-0,13	0,06	-0,08

Из приведенных данных можно сделать следующие осторожные выводы. С одной стороны, корреляция показателя единого индекса доверия в 2021 г. и 2011 г. оказалась не такой высокой (0,63), что означает подвижность Барометра и возможность страны изменить свою позицию (см. рис.1).

Источник. Расчеты авторов на основе данных Edelman trust barometer.

Рис. 1. Изменение уровня доверия (Единый индекс) в ряде стран за 10 лет (между 2021 и 2011 гг.),%

С другой стороны, показательно отсутствие корреляции единого индекса доверия с ВВП на душу населения (-0,04). Более высокий уровень доверия к государству (умеренная

положительная корреляция $+0,28$) в богатых странах компенсируется более низким уровнем доверия к бизнесу ($-0,27$).

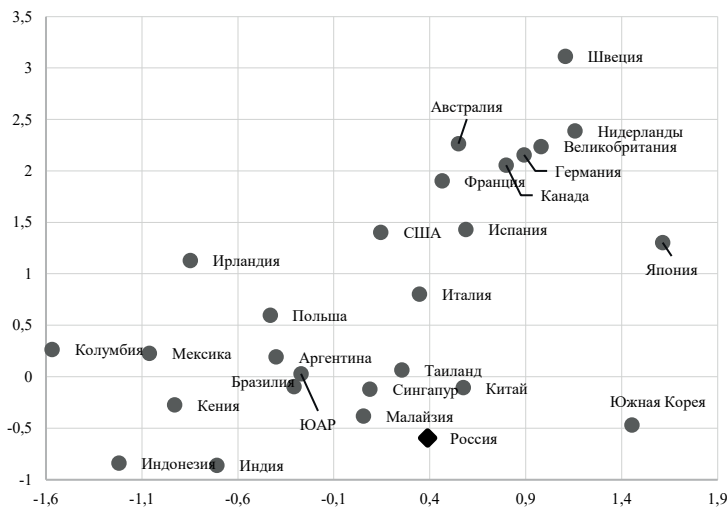
В то же время полученные оценки вновь привлекают внимание к важной проблеме – парадоксу невысокого уровня доверия в ряде развитых стран. Западные демократические страны (которые отличаются, как правило, высокими значениями индекса качества государственного управления) характеризуются более низким уровнем доверия в обществе, особенно это актуально для 2011 г. (четыре отрицательные корреляции). В 2021 г. такая закономерность получена для VAA ($-0,41$). Эта ситуация требует дальнейших исследований о причинах такого парадокса на уровне конкретных стран – связан ли парадокс с объективными негативными процессами, феноменом «наивного» доверия, или смещениями в оценках доверия, в индикаторах Всемирного банка, или с иными причинами.

В то же время парадокс немного смягчается тем, что получена положительная корреляция доверия к государству и индикатора эффективности государственного управления GE ($0,44$), минимальная позитивная связь также подтверждается для доверия к государству с точки зрения индикаторов PS и RoL.

Может ли уровень доверия в стране хотя бы отчасти объясняться сложившимися в обществе ценностями? Вопрос измерения последних является весьма непростым и дискуссионным, существуют разные методики их учета. Для проведения анализа обратимся к получившим широкую известность методикам Хофстеде и Инглхarta (World Values Survey).

World Values Survey [Инглхарт, 2018] представляет собой фундаментальное исследование различных ценностных аспектов развития. Культурная карта мира (рис. 2) отражает распределение стран для двух групп ценностей – традиционных и выживания:

- традиционные ценности (взаимоотношения с семьей, церковью, государством) противопоставляются секулярной рациональности, которая возрастает по оси X;
- 2) ценности выживания (ценятся безопасность, в том числе авторитарного характера, материальные ценности) противопоставляются ценностям самовыражения (ценятся свобода личности, гражданское общество), которые возрастают по оси Y.

Источник. Составлено на основе World Values Survey. [Эл. ресурс]. URL: <https://www.worldvaluessurvey.org/WWSNewsShow.jsp?ID=467>

Рис. 2. Мировая культурная карта 2023

С точки зрения культурной карты Инглхарта Россия близка по своим ценностям к азиатским странам, таким как Китай, Малайзия, Сингапур. При этом по части секулярной рациональности наша страна демонстрирует более высокий уровень, чем, например, Польша или Ирландия.

Широкую известность получила также типология ценностей Г. Хофстеде¹⁶, дополнительно раскрывающая ряд важных аспектов, которые не фигурируют в World Values Survey. В ней было предложено 6 критериев:

1) дистанция власти – чем она выше, тем сильнее власть отчуждена от общества, менее склонна прислушиваться к его мнению, вступать с ним в равноправный диалог. Высокая дистанция отмечена для таких стран, как Малайзия, Россия (93 балла), Мексика, Китай, ОАЭ;

¹⁶ Compare countries. Hofstede-insights [Эл. ресурс]. URL: <https://www.hofstede-insights.com/product/compare-countries>

Хотя методика Хофстеде встретила и критику, с учетом акцента на опросы именно работников сферы ИТ, также критики отмечали, что личные ценности человека могут быть далеки от «средних» ценностей страны.

2) индивидуализм. Лидировали по этому критерию США, Австралия, Великобритания. Россия получила низкое значение (39 баллов);

3) мужественность – условное разделение на ценности «мужественности» (нацеленность на соперничество, материальные ценности, успех любой ценой) и «женственности» (акцент на взаимопонимание, сотрудничество людей). «Мужественными» странами считают, например, Японию, Италию, Мексику. Россия (36 баллов) считается относительно более «женственной» страной, как и Швеция, Нидерланды, Таиланд;

4) избегание неопределенности – опора на четкие правила, традиции, избегание риска. Как правило, страны с высокими показателями избегания отличаются также нетерпимостью к другому мнению, высокой агрессией и тревожностью, для них характерен упорный труд в спешке. Россия стала лидером по этому показателю (95 баллов), довольно близко к ней располагаются Польша, Япония, Аргентина, Франция. Наименьшее избегание характерно для таких стран, как Британия, Китай, Швеция, Сингапур;

5) долгосрочность. Имеется в виду ориентация на долгосрочные (стратегические) цели, а не концентрация на текущих процессах. Одно из проявлений этого качества – значимость планирования. Россия (81 балл) относится к долгосрочным странам, как Южная Корея, Япония, Китай, Германия;

6) допущение (индальгенция). Показатель того, насколько свободно общество с точки зрения возможности получения удовольствия, счастья, без излишних ограничений социальными, политическими или иными нормами. Лидерами допущения стали Мексика, Колумбия, Швеция, Австралия, Британия. Россия (20 баллов) в числе аутсайдеров, наряду с Саудовской Аравией, ОАЭ, Китаем, Индией.

Профили ряда крупнейших стран по перечисленным критериям представлены в таблице 5.

Представив наглядно, насколько разнообразны могут быть страны с точки зрения набора ценностей и характеристик, для выделения взаимосвязей обратимся к корреляционному анализу. В таблицах 6 и 7 представлены межстрановые корреляции ценностных показателей и индикаторов доверия.

Таблица 5. Ценностные профили некоторых стран

Показатель	Россия	США	Япония	Китай	Бразилия
Доверие 2021	31	48	40	72	51
Дистанция власти	93	40	54	80	69
Индивидуализм	39	91	46	20	38
Мужественность	36	62	95	66	49
Избегание неопределенности	95	46	92	30	76
Долгосрочность	81	26	88	87	44
Допущение	20	68	42	24	59
Секулярность	0,39	0,14	1,61	0,58	-0,31
Самовыражение	-0,60	1,40	1,30	-0,11	-0,10
VAA 2021	-1,10	0,90	0,28	-1,64	1,08
GE 2021	-0,18	1,34	-0,46	0,84	1,40

Источник. Составлено на основе данных Compare countries. Hofstede-insights.

Таблица 6. Корреляции индекса доверия и показателей разных групп ценностей стран

Показатель	Доверие 2021	Доверие 2011	Дистанция власти	Индивидуализм	Мужественность	Избегание	Долгосрочность	Допущение	Секулярность	Самовыражение
Доверие 2021	1,00	0,63	0,33	-0,29	-0,19	-0,60	-0,11	-0,21	-0,29	-0,28
Доверие 2011	0,63	1,00	0,44	-0,56	-0,18	-0,09	-0,04	-0,04	-0,28	-0,38
Дистанция власти	0,33	0,44	1,00	-0,75	-0,01	0,17	0,11	-0,42	-0,38	-0,79
Индивидуализм	-0,29	-0,56	-0,75	1,00	0,02	-0,10	-0,16	0,28	0,39	0,79
Мужественность	-0,19	-0,18	-0,01	0,02	1,00	0,15	-0,09	0,00	-0,22	-0,16
Избегание	-0,60	-0,09	0,17	-0,10	0,15	1,00	0,03	-0,18	0,02	-0,09
Долгосрочность	-0,11	-0,04	0,11	-0,16	-0,09	0,03	1,00	-0,46	0,61	-0,08
Допущение	-0,21	-0,04	-0,42	0,28	0,00	-0,18	-0,46	1,00	-0,21	0,44
Секулярность	-0,29	-0,28	-0,38	0,39	-0,22	0,02	0,61	-0,21	1,00	0,55
Самовыражение	-0,28	-0,38	-0,79	0,79	-0,16	-0,09	-0,08	0,44	0,55	1,00

Источник табл. 6, 7. Расчеты авторов.

Таблица 7. Корреляции уровня доверия к институтам и ценностей стран

Показатель	Дистанция власти	Индивидуализм	Мужественность	Избегание	Долгосрочность	Допущение	Секулярность	Самовыражение
Доверие в 2021 г. для:								
бизнес	0,31	-0,31	-0,11	-0,47	-0,32	0,00	-0,53	-0,34
НКО	0,30	-0,37	-0,04	-0,55	-0,38	0,09	-0,53	-0,39
государство	0,24	-0,11	-0,25	-0,54	0,15	-0,46	0,12	-0,05
медиа	0,31	-0,31	-0,22	-0,58	-0,01	-0,22	-0,22	-0,29

Данные таблиц в целом подтверждают уже отмеченные тенденции. Можно видеть, что доверие становится характерным элементом для авторитарных и развивающихся стран – получена положительная корреляция доверия с дистанцией власти (0,33 и 0,44 для 2011 г.) и отрицательная с индивидуализмом. Негативные корреляции отмечаются также с продвижением по шкалам секулярности и самовыражения Инглхарта (для доверия к государству мы имеем отсутствие положительной связи). Важно отметить, что доверие к государству сильно снижается при росте «Допущения» (-0,46), что говорит о кризисе такого доверия в условно свободолюбивых (демократических) странах.

Проведенные дополнительные расчеты показали корреляцию ВВП на душу населения и сложившихся ценностей. Положительная связь была получена для осей секулярности (0,36) и самовыражения Инглхарта (0,5), для Индивидуализма (0,39), отрицательная для Дистанции власти (-0,43) и Избегания неопределенности (-0,34).

Также таблицы показывают некоторые интересные закономерности соотношения ряда ценностей. Например, «Мужественность» Хофстеде практически не коррелирует с иными ценностями, как и «Избегание», а «Дистанция власти» и «Индивидуализм» в наибольшей степени связаны с продвижением по осям Инглхарта, с разными направлениями влияния.

Подчеркнем, что картина взаимосвязи ценностей является сложной и неоднозначной, методики Хофстеде и Инглхарта не построены на простом противопоставлении традиционализма и модернизации, поэтому страны, близкие в одной категории,

легко оказываются на очень разных позициях по другому направлению. Роль ценностей и ценностной трансформации в становлении и развитии того или иного сообщества – это сложная философская проблема, и, конечно, требует серьезных исследований с учетом анализа социально-экономических и культурных процессов в конкретной стране.

В целом же можно отметить, что на пути модернизации и трансформации ценностей возникает немало ловушек. С одной стороны, во многих странах быстрый экономический рост происходил при росте ценностей самовыражения, сокращении дистанции власти, увеличении горизонта планирования [Аузан, 2012], но для того, чтобы такие ценности могли сформироваться, необходим некоторый базовый уровень доверия и безопасности в обществе [Инглхарт, Вельцель, 2011], в противном случае возникает проблема замкнутого круга препятствий для модернизации. При этом, как показывает опыт последних лет, и демократические страны, которые, как считается, уже прошли модернизацию, могут попасть в ловушку утраты доверия.

Доверие в России: результаты социологических исследований

Рассмотрим результаты российских социологических исследований для сравнения с ранее представленными результатами Барометра доверия.

Согласно опросу ВЦИОМ¹⁷ (июнь 2023 г.), 48% граждан страны согласились, что соотечественники в целом доверяют друг другу (8% – «определенно доверяют» и 40% – «скорее доверяют»), 44% придерживались другой позиции («скорее не доверяют» – 34%, «определенно не доверяют» – 10%). При этом имеют место поколенческие различия, так, среди молодежи 25–34 лет 62% выступили скептиками в отношении доверия (только 2% ответили «определенно доверяют»), тогда как среди граждан старше 60 лет скепсис проявили только 32%.

С точки зрения доверия к бизнесу (особенно к мелкому и среднему) уровень доверия российских граждан постепенно

¹⁷ Нужно доверять друг другу! Или нет? [Эл. ресурс]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/nuzhno-doverjat-drug-dругу-или-net>

растет: если в 2010 г. бизнесу не доверяли 45% граждан, то в 2017 г. – только 27%¹⁸.

Согласно данным Левада-Центра (2022 г.)¹⁹, высокий процент доверия характерен в России для таких институтов, как президент (до 80% в отдельные годы), армия (в последние годы более 60%), органы государственной безопасности (в последние годы около 50%), правительство, церковь. При этом чем ниже уровень власти, тем настороженнее к нему относятся люди, так местным властям обычно полностью доверяло около 20–30% опрошенных, региональным – 20–40%, правительству – ближе к 30–40%.

То есть в целом российские исследования показывают результаты, близкие к данным Барометра Edelman, за исключением крайне высокого рейтинга президента, который в разные периоды колебался в широком диапазоне от 50 до 90%.

Важная проблема, которая фиксируется в социологических исследованиях, связана с тем, что в России традиционно высоко отчуждение граждан от политических, социальных, гражданских процессов, люди говорят о своей невозможности повлиять на них, и это провоцирует их отказ от участия в них, вплоть до полного отсутствия интереса. Как отмечает социолог Лев Гудков, *«За семью, за детей, за положение на работе люди ответственность чувствуют. В семье – это на уровне 90%. На работе – примерно около 50%, в том числе и те 35–40%, которые считают, что они могут на что-то в своей работе повлиять... Лишь примерно 17–20% полагают, что они могут что-то сделать на уровне своего жилого дома и района. Соответственно, на уровне города – особенно большого – это уже практически исчезающая величина»*²⁰.

В указанном исследовании Левада-Центра наиболее низкий уровень доверия был получен для крупного бизнеса (около 10–20%, что заметно ниже, чем 20–30% для МСП, хотя это тоже невысокий результат), профсоюзов, политических партий, судов (20–30%). Уровень доверия к СМИ колебался в пределах 25–35%.

¹⁸ Предпринимательство в России: доверие, барьеры и факторы успеха. ВЦИОМ [Эл. ресурс]. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116444>.

¹⁹ Левада-Центр (признанный иностранным агентом) [Эл. ресурс]. URL: <https://www.levada.ru/2022/09/20/doverie-obshhestvennym-institutam-2/>

²⁰ Левада-Центр (признанный иностранным агентом) [Эл. ресурс]. URL: <https://www.levada.ru/2020/03/19/za-chto-my-ne-lyubim-ih/>

Таким образом, современные социологические исследования показывают, что в России не сформировалось высокого доверия к базовым гражданским институтам, институтам демократического самоуправления.

Здесь можно напомнить результаты еще одного опроса центра²¹, согласно которому многие годы большая часть респондентов признавала, что было бы лучше, если бы все в стране оставалось как до «перестройки». Доля скептиков в отношении «перестройки» долго колебалась в районе 50%, при 40% тех, кто относился к ней в целом положительно (хотя были исключения, например, в 2008 г. соотношение составило 31% против 52%). Это может влиять и на недооценку в массовом сознании гражданских институтов, созданных вследствие «перестройки», а также указывать и на объективные несовершенства этих институтов.

Что касается доверия в личных взаимоотношениях, то в 2020 г. 4% опрошенных россиян заявили, что «практически всегда можно доверять людям», 17% – «обычно можно доверять», 53% полагали, что «обычно осторожность в отношениях с людьми не мешает» и 26% настаивали, что «практически всегда» с людьми надо быть настороже.

Интересные результаты показал и недавний опрос Фонда общественного мнения²², согласно которому только 28% респондентов считают, что людям можно доверять, а 67% (среди молодых – 72%) – что с ними «нужно быть поосторожней». Примечательно, что эти доли мало изменились по сравнению с аналогичным исследованием 2005 г. Другое важное наблюдение: две трети респондентов заявили, что людям, которые окружают их лично, доверять можно, то есть здесь можно говорить о формировании феномена селективного доверия – к ближайшему окружению.

Отвечая на вопрос о тенденциях, 54% опрошенных сказали, что сегодня люди стали меньше доверять друг другу, чем ранее, только 7% считают, что динамика в этом отношении позитивна. Были в этом исследовании ФОМ и вопросы о том, насколько люди готовы к сотрудничеству с незнакомцем в разных форматах. В результате выяснилось, что 62% респондентов готовы дать

²¹ Левада-Центр (признанный иностранным агентом) [Эл. ресурс]. URL: <https://www.levada.ru/2020/11/03/vospriyatie-perestrojki/>

²² ФОМ [Эл. ресурс]. URL: <https://fom.ru/TSennosti/14905>

незнакомцу позвонить со своего телефона, а вот, например, посоветоваться с ним о семейных проблемах готовы были лишь 12%.

Таким образом, российские опросы, как и Барометр доверия Edelman, показывают, что в России существуют проблемы с уровнем доверия, как с точки зрения межличностного взаимодействия, так и с точки зрения доверия к институтам.

Заключение

Эмпирические исследования свидетельствуют, что в России, как и во многих других государствах отмечается определенный дефицит доверия.

Данные Барометра доверия Edelman показывают противоречивую картину: многие западные страны, которые считаются демократическими, прошедшими модернизацию, демонстрируют относительно низкий уровень доверия, высокое доверие все больше становится характеристикой восточных и авторитарных государств. Это, с одной стороны, дает почву для возобновления дискуссии о рисках «заката Европы» в духе О. Шпенглера, а с другой – подводит нас к необходимости более жесткого разграничения «оправданного» (обусловленного эффективностью кооперации и институтов) и «наивного» (навязанного авторитаризмом и коллективизмом) доверия.

Впрочем, статистика подтверждает ряд теоретических предположений. Так, с помощью корреляционного анализа выявлена негативная связь доверия с неравенством в обществе и положительная – с индикаторами эффективности государственного управления, что дает надежду на возможность преодоления кризиса доверия путем повышения эффективности государственной политики. Барометр доверия относительно подвижен, это значит, что ситуация в стране может быть изменена при приложении соответствующих усилий.

В России исследователи фиксируют традиционно низкий уровень доверия к базовым гражданским институтам (от партий и профсоюзов до СМИ и бизнеса). В том числе это может быть связано с тем, что на протяжении жизни многих поколений в нашем обществе развивались ценности поддержки тоталитарной силы, а также неверие в демократические механизмы кооперации. Неверие приводило к частому отказу граждан от проявлений активности и отчуждению от общественной жизни. Дальнейшая деполитизация и аномия усугубили проблему. В результате

сегодня мы видим в России слабые ценности самовыражения и отчасти секулярной рациональности (по Инглхарту), данные Хофстеде показывают для нашей страны очень высокие значения «Дистанции власти» и «Избегания неопределенности», при очень низком «Допущении». Такой набор ценностей может препятствовать дальнейшей модернизации и росту доверия (именно «оправданного», построенного на эффективной кооперации) в рамках развития гражданского общества.

Таким образом, на современном историческом этапе перед Россией не просто стоит задача развития институтов, но возникает более сложный вызов – формирования у граждан доверия к ним, что требует преодоления анонии и отчуждения в обществе. Дальнейшая модернизация страны может быть основана не нескольких принципах. С одной стороны, могут потребоваться больший учет общественного запроса и меры по его формированию. С другой стороны, можно рекомендовать всемерное расширение и масштабирование опыта локальных успешных практик, основанных на доверии.

Например, опыт эффективной кооперации на местном уровне – от небольших профсоюзов до товариществ собственников недвижимости. Этот социальный капитал может быть использован при совершенствовании местного самоуправления. В свою очередь дефицит доверия к СМИ может быть (с определенными оговорками) компенсирован доверием к независимым публицистам, блогерам; для развития политических партий может быть использован социальный капитал доверия к представителям НКО и иным общественным деятелям.

Таким образом, дефицит доверия, по нашему мнению, может быть преодолен в России намного быстрее с учетом опоры на уже сформировавшийся локальный социальный капитал, который пока не имеет институциональной поддержки.

Литература / References

- Аузан А. Заложники недоверия // Отечественные записки. 2012. № 2 (47).
Auzan, A. (2012). Hostages of distrust. *Otechestvennyye zapiski*. No. 2(47). (In Russ).
- Аузан А., Никишина Е.Н. Социокультурная экономика: как культура влияет на экономику, а экономика – на культуру: курс лекций. М.: Экономический факультет МГУ, 2021.
- Auzan, A., Nikishina, E.N. (2021). *Sociocultural economics: how culture influences the economy, and economics influences culture: a course of lectures*. Moscow: Jekonomicheskij fakul'tet MGU. (In Russ).

Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия. М.: Новое издательство, 2011.

Inglehart, R., Welzel, K. (2011). *Modernization, cultural change, and democracy*. Moscow: Novoye izdatel'stvo. (In Russ.).

Инглхарт Р. Культурная эволюция. Как изменяются человеческие мотивации и как это меняет мир. М.: Мысль, 2018.

Inglehart, R. (2018). *Cultural evolution: how people's motivations are changing and how this is changing the world*. Moscow: Mysl'. (In Russ.).

Локке Р. Формирование доверия. Препринт № WP1/2005/07. МГУ – ВШЭ, 2015.

Lokke, R. (2005). *Trust formation*. Preprint No. WP1/2005/07. Moscow: Higher School of Economics. (In Russ.).

Рогозин Д.М. По(д)делки в «бумажном» поквартирном опросе // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2015. № 4. С. 3–35. DOI: 10.14515/monitoring.2015.4.01

Rogozin, D.M. Fabrication in paper-and-pencil door-to-door survey. Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes. 2015. № 4. Pp. 3–35. (In Russ.). DOI: 10.14515/monitoring.2015.4.01

Татарко А.Н., Лебедева Н.М. Социальный капитал: теория и психологические исследования. М.: РУДН, 2009.

Tatarko, A.N., Lebedeva, N.M. (2009). *Social capital: theory and psychological research*. Moscow: RUDN. (In Russ.).

Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию. Москва: ООО «Изд-во АСТ», ЗАО НПП «Ермак», 2004.

Fukuyama, F. (2004). *Trust. The social virtues and the creation of prosperity*. Moscow: ООО «Izd-vo AST», ЗАО NPP «Ermak». (In Russ.).

Algan, Y., Cahuc, P. (2010). Inherited trust and growth. *American Economic Review*. Vol. 100. No. 5. Pp. 2060–2092. DOI: 10.1257/aer.100.5.2060

Delhey, J., Newton, K. (2005). Predicting cross-national levels of social trust: global pattern or nordic exceptionalism? *European Sociological Review*. Vol. 21. Pp. 311–27. DOI: 10.1093/esr/jci022

Falk, A., Becker, A., Dohmen, T., Enke, B., Huffman, D., Sunde, U. (2018). Global evidence on economic preferences. *The Quarterly Journal of Economics*. Vol. 133. Pp. 1645–1692. DOI: 10.1093/qje/qjy013

Hamilton, K., Helliwell, J.F., Woolcock, M. (2016). *Social capital, trust and well-being in the evaluation of wealth*. Policy research working paper, n. 7707. World Bank.

Humphrey, J., Schmitz, H. (1996). *Trust and economic development*. Discussion Paper 355. Brighton, UK: Institute of Development Studies.

OECD (2001). *The Well-being of nations: the role of human and social capital, education and skills*. Paris, France: Organisation for Economic Cooperation and Development.

Putnam, R. (1995). Bowling alone: America's declining social capital. *Journal of democracy*. Vol. 6. No. 1. Pp. 65–78.

Статья поступила 27.06.2023

Статья принята к публикации 11.09.2023

Для цитирования: Макаров А.В., Пономарев Ю.Ю. Кризис доверия: проблемы измерения, общественные ценности и иные детерминанты // ЭКО. 2023. № 11. С. 148–172. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2023-11-148-172

Информация об авторах

Макаров Андрей Владимирович (Москва) – кандидат экономических наук. Институт прикладных экономических исследований (ИПЭИ) РАНХиГС; Департамент экономической теории, Финансовый университет при Правительстве РФ.
E-mail: andreymakarovh@mail.ru; ORCID: 0000–0003–2268–0011

Пonomarev Юрий Юрьевич (Москва) – кандидат экономических наук. Институт прикладных экономических исследований (ИПЭИ) РАНХиГС.
E-mail: ponomarev@ranepa.ru; ORCID: 0000–0002–1188–9293

Summary

A.V. Makarov, Yu.Yu. Ponomarev

Crisis of Trust: Problems of Measurement, Public Values and Other Factors

Abstract. According to the current results of the Edelman Trust Barometer, many countries of the world, including Russia, are experiencing a certain crisis of trust, which becomes a serious obstacle to their socio-economic development. The paper considers the issues of ambiguous dynamics of the level of trust, analyzes the trends and possible interrelations of this level with various characteristics of the countries' development, as well as the established values (according to the methodologies of Hofstede, Inglehart). Based on the comparison of the results of the Trust Barometer and Russian sociological studies, the key problems in the sphere of taking into account the role of trust are shown, including the problem of distinguishing between “justified” and “naive” trust. In Russia, the problem of low trust is partly related to the dynamics of modernization values, which requires additional efforts to develop civil society.

Keywords: *trust; social capital; values; modernization; quality of public administration*

For citation: Makarov, A.V., Ponomarev, Yu. Yu. (2023). Crisis of Trust: Problems of Measurement, Public Values and Other Factors. *ECO*. No. 11. Pp.148–172. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2023-11-148-172

Information about the authors

Makarov, Andrey Vladimirovich (Moscow) – Candidate of Economic Sciences. Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA); Department of Economic Theory, Financial University under the Government of the Russian Federation.

E-mail: andreymakarovh@mail.ru; ORCID: 0000–0003–2268–0011

Ponomarev, Yuriy Yurevich (Moscow) – Candidate of Economic Sciences. Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA).
E-mail: ponomarev@ranepa.ru; ORCID: 0000–0002–1188–9293